

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

О.А. Гомцял

Трансформация российского общества: ретроспекция проблем современной России

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/2015-Gomtsyan.pdf>

Перепечатка с сайта журнала
«Человек. Сообщество. Управление»
<http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/>

URL:<http://www.civisbook.ru>

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕТРОСПЕКЦИЯ ПРОБЛЕМ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

.....

Гомцяи О. А.

Гомцяи Овсеп Арамаисович, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: ovsep86@mail.ru.

В статье рассматривается тема трансформационных процессов в социуме, происходящих на просторах постсоветской России, влияние трансформаций на образование, разные теоретические подходы к процессам этой трансформации. Выделяются два направления трансформации — технологические и социальные, актуализирующие вопросы адаптации участников социальных отношений. Анализируются пять моделей трансформации: модель «рыночного социализма», «государственно-корпоративная», «бархатной революции», «шоковой терапии», «романтическая модель». Освещается точка зрения В. А. Ядова на трансформации в российском обществе, связанные с понятием «динамический хаос».

Раскрываются позиции М. Делягина, С. Глазьева, А. Бузгалина, других исследователей, исходящих из методологии теории «мир-системного анализа» (А. Франк, И. Валлерстайн). Здесь трансформация выступает как отражение общемировых глобализационных тенденций, столкнувшихся со спецификой социокультурного контекста. Рассматривается позиция Б. Кагарлицкого, направленная на термин «бюрократический капитализм», порождающий «периферийный капитализм»: суть — реставрация и смена декораций при неизменности содержания, связанной с отставанием, произошедшим при переходе стран на периферию относительно «центра».

Основная трудность — Россия чрезмерно развита для периферийной страны. Индустриально развитым странам Запада Россия пока нужна лишь как поставщик природных ресурсов и рынок сбыта.

Россия находится в полосе затяжного кризиса, носящего системный характер. В государстве не сформировались ни результативная система современных общественных институтов, ни гражданское общество. Человеческий потенциал страны в условиях кризиса заметно понизился. Все это — результат приобретения Россией периферийного статуса в мире после периода бурных перемен, ввергших общество в процессы на мировой арене, связанные с глобализацией.

Ключевые слова: трансформация, системный кризис, реформа, социальный регресс, технологическая деградация.

Социальная реальность Российской Федерации претерпевает изменения. Эти изменения происходят в глобальном пространстве трансформаций всей миросистемы. И конечно, изменения страны связаны с тем, как трансформируется миросистема в целом на глобальном уровне, в которой существует страна. Однако страна имеет свою специфику претерпевания этих изменений, причем

специфика российских изменений связана с нарастанием специфической неопределенности. В отличие от общемировых изменений миросистемы и сопряжённой с ними степенями временной неопределенности, при относительной устойчивости мировых социально-политических систем в силу регулирующей роли правовой культуры их общества, силе модернизационного потенциала, идущего снизу от гражданских субъектов, присовокупляющих свой потенциал, нацеленный на изменения, к потенциалу властных структур и укорененности в прошлом их опыта специфического государственного устройства с развитой субъектной активностью граждан в правовых, экономических и культурных полях глобального пространства. Эта специфическая затяжная социальная неопределенность носит именно в России характер стимула, детерминирующего процессы, близкие к перманентному кризису, рискующие перерасти в состояние динамического хаоса. Это в определенном, несколько обобщенном контексте выделял на уровне генерализованного смысла российских трансформаций еще В. А. Ядов. По мнению ряда авторов, проблемные точки, влияющие на периодически возникающие затяжные кризисные состояния в процессе трансформации российской социальной реальности, связанные с низкой правовой культурой и слабой развитостью потенциала гражданских сил, действующего снизу, есть не что иное, как ошибки строительства социализма в прошлом и возвращение в капитализм (Шалимова, 2010). Причем это возвращение в капитализм весьма специфичное — периферическое. С точки зрения В. Г. Федотовой, нынешний капитализм изменился и приобрел сегодня своеобразную форму, в которой просматривается зарождение социального сценария будущей культурно-архаичной феодализации, или превращения нового технически развитого мира именно в культурном отношении в третий мир, новый третий мир, однако с выраженными признаками архаизации, и потому управление архаизацией предстает управлением современной модернизацией и возвращением прошлого в специфичных формах, не уничтожающих настоящего, но носящих явный отпечаток этой выраженной архаики прошлого (Федотова, 2013).

Дело в том, что российской трансформации пошло уже третье десятилетие, и фактически все это время можно констатировать наличие системного кризиса. Несмотря на точку зрения некоторых ученых и заверения политиков, трудно согласиться с тем, что удалось нащупать путь выхода из этого положения. Такого же мнения придерживаются и видные отечественные обществоведы В. Ядов, Т. Заславская, З. Голенкова и др. Определимся с понятиями. Понятие «модернизация» возникло после Второй мировой войны и приобрело практический смысл, им обозначалась политика осовременивания отстающих или слабо развитых стран третьего мира. Но прежде всего радикальная трансформация государств фашистского блока и превращение в осовремененные государства предполагали усвоение правил, норм и специфики институтов по образцу современных западно-демократических обществ с их цивилизационными особенностями, ассоциируемое с проведением либерально-демократических реформ и де-

легирированием субъектной активности представителей гражданского общества; оно обозначало и процессы происходящие в посткоммунистических обществах. При этом навязываемое на глобальном уровне копирование западных образцов по типу «Вашингтонского консенсуса» не обязательно приводит к модернизации, да и сама модернизация может происходить, минуя либерализацию общественной жизни. В этом и есть парадокс, который опровергает базовый постулат теории модернизации о необходимом соответствии друг другу уровня развития технологического производства, имеющегося типа социальной организации и типа сознания (обусловленного определенной развитостью культуры). В силу этого в российской социальной действительности неолиберальные практики реформирования экономики в обход адекватной демократизации и без должного стимулирования развития структур гражданского общества привели к бурному росту проявлений теневого бизнеса, воплощению изысканных коррупционных, мошеннических схем и криминализации (подобная позиция в отношении этого понятия представлена Обуховым-Ядовым). В. Г. Федотова связывает понятие модернизации с зависимостью от процессов, происходящих в поле культуры. Этот автор представляет связи процессов модернизации и культуры: 1) стимулирование разворачивания процесса формирования модернистской западной культуры в результате самой социальной модернизации; 2) процесс модернизации сфер общества, не затрагивающий культуры и по этой причине чреватый срывом; 3) процесс верховенства традиционной культуры над модернизацией, проведенной неграмотно или слишком быстро; 4) учет собственной культуры, неизменность национально-культурной идентичности при реализации процесса модернизации незападных стран; 5) принятие в расчет в процессе модернизации обыденной, повседневной культуры людей, особенно хозяйствующих субъектов; 6) значимость несводимости модернизационной культуры к западной, формирование новых модернизационных культур (Востока, отдельных стран); 7) создание модернизационных культур незападных стран на основе традиционной культуры и осуществление связанных с этим новых социальных задач. По мнению В. Г. Федотовой переход на путь посткоммунистического развития, обусловил такой процесс развития, сообразно которому Россия оказалась перед задачей перехода от догоняющего, неорганически-мобилизационного развития к органически-инновационному. Для адекватного осуществления такого перехода необходимо было не просто поощрять инновации, а стимулировать формирование институтов инноваций, к которым помимо рынка относятся наука и образование, в то время как все усилия сосредоточили исключительно на стимуляции инноваций на пространствах рыночной экономики. Кроме того, Федотова отмечает национальный характер, который принимает модернизация, и зарождение признаков социальной архаизации, в частности проявление культурно-архаических феодальных черт организации обществ (Федотова, 2012; Федотова, 2013). В. Ядов признает более адекватным определение модернизации как «возрастание способностей к социальным преобразованиям» (тут он ссылается на позицию И. Роксборо)

и вспоминает мировоззренческую установку Т.И. Заславской, которая упомянутое определение дополняет выделением главного вектора развития современных обществ: повышение конкурентоспособности в глобальной миросистеме. Указание на то, что при модернизации значимы способности к социальным преобразованиям, говорит о важности способностей к осуществлению трансформаций, ибо преобразования и есть трансформации. Само понятие «трансформация» происходит от латинского *transformatio*, что означает «преобразование». Преобразование социальных институтов, социальных структур нередко сопровождается ломкой их основ, т.е. их коренной ломкой. Ч.К. Ламажаа определяет социальные трансформации как процесс структурных изменений общественного состояния, а саму трансформацию — как базовые качественные изменения. Когда в основе социальной реальности происходят сдвиги, их отзвуки обычно чувствуются во всех сферах социальной жизни, трансформируют ее важнейшее сущностное качество (Ламажаа, 2011). Понятие «кризис», в свою очередь, представляет собой весьма специфический режим функционирования системы (или одной из фаз ее развития), в ходе реализации которого система трансформируется и становится неспособной адекватно и полноценно осуществлять свои функции и ее функционирование воплощается в высокой степени неопределенности и непредсказуемости, а также в наличии случайных элементов в такой форме, при которой обычная деятельность теряет свою адекватность (Шалимова, 2010).

Необходимо заметить, что процесс социальной трансформации и процессы модернизации генерализованно изучали многие авторы, как отечественные, так и зарубежные, однако осталась неохваченной проблема целостного ретроспективного аналитического обзора социальных трансформаций, которые произошли в России постсоветского периода. Принято считать, что трансформационный процесс нацелен прежде всего на новое качество, а значит на выработку новых целей и формирование новых специфических способов их достижения в ходе диалектического преодоления элементов старого порядка (Мячин, 2007).

В.А. Ядов считает, что российский социум находится в высокоактивной стадии социальных трансформаций, когда нестабильность трансформируемой социальной системы близка к состоянию «динамического хаоса». Именно этим Россия «отличается от стабильно трансформирующихся обществ с прогрессирующей экономикой и устойчивой социально-политической системой» (Ядов, 2002).

Ядов рассматривает трансформации в процессе модернизации системно, выделяя культурные, экономические и политические поля, в которых функционируют субъекты любого общества. Трансформации российской социальной реальности он анализирует в контексте глобальной миросистемы, подчеркивая особую российскую специфику. Глобальную систему мира, влияющую на систему Российского государства, ученый представляет как относительно неустойчивое образование экономического, политического и культурного полей. В. Ядов особо

эксплицитует мировоззренческую установку, согласно которой определяющая роль в трансформациях принадлежит нормативным правилам, их содержанию и степени принудительности, регулируемости ограничений свободы в тех или иных полях. Эти нормативные правила, осуществляющие регулятивные функции в реализации процесса взаимодействия национально-государственных и транснациональных субъектов на экономических, культурных и политических полях, отличаются не только специфическим содержанием, но и той степенью принудительности, которая их характеризует: в экономическом поле — наиболее высокой степенью принудительности, в политическом поле — ситуативно гибкой, в сфере культуры — минимальной. Согласно этой позиции, особенности любых трансформаций определяются и взаимодействием между тремя полями — экономическим, политическим, культурным, специфика которого различна. При этом важно, что политико-экономические коалиции стран образуют узлы взаимосвязей, которые потенциально и реально фрагментируют миросистему, а транснациональные корпорации (финансовые и энергетические в первую очередь) навязывают свои правила, успешно негласно конкурируя за это право с международными институтами (ООН), а также специализированными структурами под ее юрисдикцией. В силу этого особо значимо и то, что так называемая глобальная культура, в которой существует и Россия, на деле предстает максимально локальной, ядро цивилизационных и влиятельных западных, преимущественно национальных, культур выступает как более устойчивое к внешним воздействиям, нежели их периферия. Все эти особенности глобальной миросистемы влияют на специфику существования системы российской социальной реальности. В. Ядов рассматривает специфику российских трансформаций в контексте методологии трех модальностей социальной специфики правил, согласно которым существует общество: регулирующая функция правил, санкционные особенности, связанные с соблюдением правил, так называемая специфика режима правил и грамматика правил, т.е. их усвоение в процессе социализации или полное их игнорирование. При этом ученый подчеркивает особенности модернизации российской социальной реальности, «национальный стиль» развития страны в миросистеме. Этот стиль характеризуется тем, насколько жестко или нежестко навязываются миросистемой собственные правила стране и какова готовность или неготовность, способность или неспособность страны следовать этому существующему, навязываемому миросистемой своду правил. Значимая специфика национального стиля российских модернизаций, согласно Ядову, заключена в значительном отпечатке исторически выработанных стереотипных особенностей, идущих еще из прошлого: все трансформирующие социальную реальность России модернизации от Петровских реформ и до нашего времени разрабатывались и реализовывались исключительно по инициативе верховной власти, начинаясь сверху, а вовсе не по инициативе гражданских субъектов снизу. По Ядову, иная значимая специфическая особенность, трансформаций российской социальной реальности в процессе

модернизаций — это крайне низкая правовая культура гражданских субъектов и чиновников, игнорирование правил, закрепленных законодательно (Ядов, 2002).

Научно-теоретический анализ трансформационных процессов актуализируется в последнее десятилетие XX в. Этот период отмечен принципиальными сдвигами в геополитической ситуации (Мячин, 2007). Распад коммунистического лагеря ознаменовался рядом попыток преобразовать социалистические общества в системы капиталистического характера. Изменения в странах бывшего социалистического лагеря обозначаются как системная трансформация, затрагивающая весь спектр общественной жизни. При этом масштабы произошедших перемен делают маловозможным применение термина «реформирование», поскольку налицо факт коренной ломки социетальных структур. Итак, системная трансформация, применительно к бывшим социалистическим странам, обозначается как:

1) изменение политической и государственной системы, отказ от монополии одной партии, создание парламентской республики западного типа, общая демократизация общественных отношений;

2) обновление экономических основ общественной системы, отход от «централизованно планируемой экономики» с ее распределительными функциями, ориентацией на экономику рыночного типа, в интересах которой:

а) проводится разгосударствление собственности и широкая программа приватизации;

б) создается новый правовой механизм экономических и финансовых отношений, допускающий многоукладность форм экономической жизни и создающий инфраструктуру для развития частной собственности;

в) вводятся «свободные цены»;

3) отказ от социалистической «всеобщности труда», ликвидация системы «социального иждивенчества» с одновременным провозглашением стандартных либерально-демократических свобод;

4) практическое приспособление к требованиям мирового рынка, новые формы внешнеэкономической деятельности, переструктурирование экономики, т.е. изменение ее установившихся пропорций и кооперационных связей;

5) перемена духовно-культурных ориентиров общественного развития (Данилов, 1998).

Представители отечественной экономической социологии В. Радаев и А. Бузгалин описывают пять возможных моделей качественного преобразования социалистических систем.

Первая модель *рыночного социализма* возникла как вариант последовательных реформ социалистического строя. Данная модель (Китай, Вьетнам) демонстрирует сегодня наиболее успешные результаты.

Вторая модель — *государственно-корпоративная*, в отличие от первой модели (с которой у нее много общего), характеризуется большим радикализмом в перераспределении экономической власти, контроля и собственности от центральных государственных структур к отдельным участвующим корпорациям.

Третья модель «*бархатной революции*» делает ставку на постепенные сдвиги с целью принципиальных изменений в экономической и политической сферах. Корпоративно-капиталистическая собственность остается доминирующей, но с точки зрения целевого распределения данная модель близка стандартам социального рыночного хозяйства.

Пятая «*романтическая модель*» предлагает возникновение институтов смешанной экономики, в рамках которых максимальным образом удастся использовать общецивилизационные тенденции социализации и гуманизации общественной жизни (Радаев, Бузгалин, 1995).

Что касается советского социума, то его трансформация преимущественно вписывается в рамки, обозначенные четвертой моделью — *шоковой терапией*. Эта модель представляет собой наиболее жесткий вариант трансформации, типичными характеристиками которой считается одномоментное разрушение административными методами существовавшей системы центрального планирования и «внедрение» рынка. В данном случае осуществляется ускоренная передача государственной собственности в руки частных лиц, обладающих как достаточным экономическим, так и политическим капиталом. Специфической чертой следует признать явное доминирование цели над средствами — создание буржуазной рыночной модели пусть даже и высокой экономической и социальной ценой. «При этой модели, — пишет А. Данилов, — рыночная саморегуляция существенно потеснена монополизмом; частная собственность оказывается по своему содержанию корпоративно-номенклатурной; экономика развивается по асоциальному пути, а «финансовая стабилизация» в конечном итоге приводит к стагфляционной ловушке» (Данилов, 1998).

Академик Т. Заславская ставит Российскую Федерацию в ряд среднеразвитых стран (наряду с Украиной, Болгарией, Румынией), которые достигли немногого в деле построения эффективной либерально-демократической системы. Социально-экономическая сфера этих общественных систем «не модернизируется, а скорее становится более отсталой, чем прежде». Названные страны лишь «застряли между исчерпавшей себя советской системой и тем либерально-демократическим идеалом, который виделся их реформаторам. Попытка вырваться из советского тупика привела их в другой, не менее опасный тупик» (Заславская, 2004).

Любопытная точка зрения высказывается Ю. Красиным. Он полагает, что российское общество не столько находится в точке бифуркации, сколько вступило в полосу бифуркационного застоя, который, видимо, продлится не одно десятилетие и не известно еще чем закончится. «Это означает, что общество

находится в таком состоянии, при котором необходимость выбора между демократией и авторитаризмом вроде бы очевидна, но у власти нет воли, а в обществе нет сил для того, чтобы этот выбор сделать» (Красин, 2003).

Неопределенность положения российского общества, причем как в плане внутренней, так и внешней ситуации, порождает многозначность подходов к объяснению сути происходящих в российском обществе процессов. В кругах либерально ориентированных ученых (Е. Ясин, В. Мау и др.) по-прежнему популярна точка зрения, согласно которой произошедшие сдвиги российского социума носят революционный характер, знаменуя реальную попытку возвращения в цивилизованное сообщество, место в котором было якобы потеряно после событий октября семнадцатого года. Встретившиеся на пути преобразований затруднения объясняются сторонниками рассматриваемой позиции как результат непоследовательности в проведении либерализации и демократизации общественной жизни. Сторонники другой точки зрения (С. Кирдина, С. Кара-Мурза) стремятся включить в анализ причин столь катастрофического характера экономических и политических преобразований российского общества культурно-цивилизационный фактор. Принципиальные культурно-традиционные различия не дают эффективно прижиться западным институтам на российской почве, приобретая зачастую деструктивный характер.

Наконец, третья позиция содержится в работах М. Делягина, С. Глазьева, Б. Кагарлицкого, А. Бузгалина и др. Методологической базой их исследований послужила теория мир-системного анализа (А. Франк, И. Валлерстайн), вписывающаяся в марксистскую парадигму. Они предпочитают рассматривать отечественную трансформацию как отражение общемировых глобализационных тенденций, которым пришлось столкнуться со спецификой социокультурного контекста. Действительно, объективный анализ социальных процессов без учета фактора глобализации становится весьма затруднительным. Как полагают названные ученые, мировые субъекты (ГНК, политические структуры) все активнее вмешиваются в политическую, экономическую, культурно-духовную жизнь государств и общностей, главным образом с целью устранения препятствий для свободного движения транснационального капитала.

По мнению Б. Кагарлицкого, посткоммунистические преобразования в России носили не революционный, но реставрационный характер, а «ельцинская Россия, объявив себя преемником России царской, повторила многие черты ее отсталости». (Кагарлицкий, 2003). Результатом произошедших перемен ученый считает не индустриальный рывок, но восстановление на российской почве периферийного капитализма — того типа капитализма, который отличал дореволюционную Россию и другие незападные страны. Периферийный капитализм представляет собой необходимый элемент мировой экономической системы. Логика последней предполагает, что одни страны развиваются быстрее, успешнее других. Там, где появляется «открытая экономика», начинается

стихийное перераспределение ресурсов в пользу более развитых и богатых стран. Причем богатство и высокая степень развития этих стран с определенных пор обусловлены именно их центральным статусом в мировой системе. Отсталость же периферии является необходимым условием процветания центра (Кагарлицкий, 2003). Между странами периферии идет ожесточенная конкуренция за место в этом, своего рода «клубе избранных». Географическая близость к странам центра придает дополнительную весомость экономическим притязаниям стран периферии. Например, Словения, Чехия, а также немецкие «новые земли» демонстрируют относительное благополучие, в отличие от более отстоящих от центра Польши, Румынии, Украины и России. И тем не менее даже наиболее удачливым странам путь в мировую элиту заказан — для ее расширения просто не хватит ресурсов. Так что успехи отдельных стран — той же Словении и Чехии — могут означать дополнительные проблемы, скажем, для не имеющих прочного положения в элите Португалии и Греции.

Отсюда следует невеселый, но вполне логичный вывод по поводу причин дефицита финансовых ресурсов, бегства капиталов и сырьевого характера отечественной экономики. Став частью периферии, Россия обрекла себя именно на такое положение дел. Более того, для статуса периферийной страны Россия оказалась чрезмерно развитой, что и предопределило неизбежный упадок промышленности, технологии, науки и образования. Субъектам глобализации — индустриально развитым странам Запада — Россия нужна лишь как поставщик природных ресурсов и рынок сбыта. В ином же качестве она «не только не нужна, но даже опасна» (Кагарлицкий, 2003).

Логика развития периферийного капитализма принципиально иная по сравнению с тем же капитализмом стран центра. Здесь не может быть первичного накопления хотя бы в силу того, что в рамках глобальной экономики происходит постоянное стихийное перераспределение ресурсов в пользу стран центра (Запада). При этом транснациональный капитализм, навязывая свои правила игры, опирается на традиционные структуры, характерные для периферийного капитализма. Следовательно, главная особенность периферийного капитализма заключается в том, что в него встроены многочисленные некапиталистические структуры. Российский практический опыт наглядно демонстрирует непотопляемость ряда институциональных структур, которые предполагалось ликвидировать в ходе либерализации и демократизации. Бюрократизация, патрон-клиентская система отношений, теневая экономика не только нигде не исчезли, но, напротив, демонстрируют тенденции к росту, захватывая все новые и новые сферы социальных взаимодействий.

«Россия, — пишет Б. Кагарлицкий, — капиталистическая страна в той мере, в какой она является частью глобальной капиталистической экономики, мирового рынка капитала, международного капиталистического разделения труда. И в то же время... Россия остается общинной, корпоративной, авторитарно-ази-

атской и даже феодально-бюрократической. Здесь господствует своеобразная превращенная форма *бюрократического коллективизма*, продолжающая традицию советской *этакратии*. Просто убраны «социалистические» декорации, устранены или ослаблены реальные элементы социализма, существовавшие в советском обществе» (Кагарлицкий, 2003).

Логика периферийного капитализма предполагает лишь ограниченное и фрагментарное участие образовательных структур. Советский Союз ставил своей задачей индустриализацию и работал в направлении создания собственной мир-системы. В свете подобных задач образованию отводилась решающая роль — массовая подготовка профессионалов, строителей глобального социализма. Нынешний статус Российской Федерации определяет совсем иную роль образовательных структур, да и науки тоже. И развитие событий в России за два последних десятилетия внушают мало оптимизма.

В последние десятилетия существования СССР начало проявляться его технологическое отставание от противостоящего в холодной войне Запада. В постсоветскую эпоху положение дел изменилось, но отнюдь не в лучшую сторону. По сути дела, окончательно сложилась сырьевая ориентация отечественной экономики, что, безусловно, сказывается на политике государства в области производственных технологий. С момента перестройки ученый мир ставит очень остро проблему модернизации отечественной экономики. Особенно благоприятный шанс представился в начале 2000-х гг., когда сложилась весьма благоприятная конъюнктура внешнего рынка. Высокие цены на энергоносители давали реальную возможность в основном собственными силами усовершенствовать прежде всего производственные мощности. Причем видные отечественные эксперты (С. Глазьев, М. Делягин, С. Миньшиков и др.) требовали немедленных мер по технической модернизации, указывая на катастрофическое состояние промышленного оборудования, его моральную изношенность.

Однако российская правящая элита избрала другой путь, который исследователи предпочитают характеризовать как консервативную модернизацию. Ее суть в общем плане сводится к сохранению существующего положения вещей, причем никакой переориентации национальной экономики с сырьевой направленности не предусматривается. Более того, предпринимаются шаги по поддержанию близких властям сырьевых компаний (200 млрд дол. из валютного резерва), при этом урезаются расходы на науку, образование, высокие технологии (Кива, 2011).

Общее собрание Российской академии наук в декабре 2008 г. охарактеризовало десятилетие после 1999 г. не как экономический рост, но как время упущенных возможностей, что вполне обоснованно. Приводимый Агентством РИФ своеобразная «табель о рангах» отводит России незавидное место: лишь 15-е место по числу интернет-пользователей; 16-е — по ВВП, 21-е — по числу запатентованных изобретений; 27-е — по качеству образования; 57-е — по ка-

честву жизни. Что касается аспекта технологий, с чем собственно связываются постиндустриальные тенденции, то здесь картина еще более неприглядная — лишь 70-е место по использованию информационных и коммуникационных технологий; 62-е — по уровню технологического развития. Наконец, на 71-м месте российское общество стоит по уровню развития человеческого потенциала (или человеческого капитала), что вполне закономерно, учитывая 72-е место по расходам государства на человека.

Если конец советской эпохи был ознаменован как технологическое отставание, то в постсоветский период вполне уместно заговорили о технологической деградации, особенно в плане научно-производственного потенциала. Даже в конце 1980-х гг. доля промышленных предприятий, где разрабатывались и внедрялись нововведения, составляла около двух третей, что, по мнению О. Шкаратана, вполне сопоставимо с типичными показателями развитых стран (около 70%). К 2002 г. такие предприятия составляли уже менее 10% (Шкаратан, 2009). Стремительно снижается интенсивность инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности (до 1%), тогда как уровень инновационности продукции составил около 10%. Россия находится в числе аутсайдеров и по доле мирового наукоемкого экспорта гражданской продукции. Ее доля здесь составляет всего лишь 0,5%, в то время как доля самой технологически продвинутой страны США — 36%, далее идут Япония — 30, Германия — 16 и Китай — 6% (Глазьев, 2007).

С точки зрения Т. Заславской, главная стратегическая цель реформ российской социальной реальности, связанная с возможностью обеспечения социально-экономической конкурентоспособности России с ведущими странами Запада, не может считаться полностью достигнутой. Автор объясняет это несформированностью системы современных общественных институтов, которые бы могли быть эффективными, и отсутствием социально-групповой структуры, которая детерминировала бы ее функционирование. Кроме того, потенциал гражданских субъектов России не вырос, а заметно снизился, что говорит об объективности самой потребности в дальнейшем развитии трансформации России. К тому же результаты реформ, в контексте мировоззренческой позиции Т. Заславской, как и связанного с ними перераспределения общественного богатства оцениваются массовыми слоями общества как добытые нечестным путем через мошеннические и коррупционные схемы, а потому нелегитимные. Т. Заславская отмечает завершение целенаправленных реформ сверху, однако указывает, что это не означает прекращение трансформационных процессов, способных принимать иную форму, воплощенную, например, в зарождении, а также распространении новых социальных практик снизу. Как полагает автор, активный процесс либерально-демократических трансформаций приостановлен лишь временно, ибо наблюдается истощенность и верхов власти, и низов общества от социально-политических и экономических реформ

и острая жажда ими стабильного периода некоей передышки. Однако, этот автор предрекала весьма недолгую стабилизацию.

Обобщая итоги данной статьи, остановимся на следующих положениях.

Современный социум в значительной степени может быть определен как трансформирующее общество. Два основных направления трансформации — технологическое и социальное — актуализируют вопросы адаптации к изменениям для участников социальных отношений.

Важнейшая цель реформ — обеспечение социально-экономической конкурентоспособности РФ с развитыми странами Запада — не достигнута. В государстве пока еще не сформировались ни результативная система современных общественных институтов, ни социально-групповая структура, обеспечивающая ее функционирование. Человеческий же потенциал российского общества не вырос, а заметно понизился.

Россия пока не преодолела полосу затяжного системного кризиса. Последний в основном связан с переориентацией России на периферийный статус в мировой системе. В настоящий момент приходится констатировать продолжающийся социальный регресс вкупе с технологической деградацией. Таким образом, объективная потребность в дальнейшем развитии трансформационных процессов сохраняется.

Библиографический список

1. Аверина, Н. В., Лотаренко, М. В., Попов, В. В., Щеглов, Б. С. (2014). Особенности альтернативности в социальных трансформациях. *Фундаментальные исследования*, 9, 2115–2119.
2. Ананьев, Е. В. (2013). Культурная динамика в массовом обществе потребления. *Мир науки, культуры, образования*, 1, 234–237.
3. Анахин, Т. В. (2013). Институциональный дизайн России: эволюция общественной системы и социальная трансформация. *Вестник Бурятского государственного университета*, 6, 129–133.
4. Атабиев, З. А. (2010). Параметры социальных изменений в обществе в условиях глобализации. *Научные проблемы гуманитарных исследований*, 9. Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/parametry-sotsialnyh-izmeneniy-v-obschestve-v-usloviyah-globalizatsii>
5. Глазьев, С. О. (2007). Стратегии экономического развития России. *Вопросы экономики*, (5), 31.
6. Грицкевич, Т. И. (2014). Управляемость в социальных изменениях: возможность реформирования и неопределенность. *Вестник кемеровского государственного университета*, 3, 199–202.
7. Горбунова, М. Ю. (2012). Эмоции акторов и социальные трансформации. *Вестник саратовского университета*, 2, 148–151.
8. Данилов, А. Н. (1998). *Переходное общество: Проблемы системной трансформации*. Минск: Харвест.

9. Дронов, В. Т. (2014). Культурно-цивилизационный подход и его необходимость в современной российской социологии. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*, 166, 102–107.
10. Жалуев, З. А. (2012). Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: теоретические предпосылки концептуализации и социологические рамки исследования. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 6, 178–182.
11. Жмайло, А. И. (2008). Социальный риск как показатель социетальной трансформации современного общества. *Вестник ЮУрГУ*, 21, 83–87.
12. Заславская, Т. И. (2004). *Современное российское общество: Социальный механизм трансформации*. Москва: Изд-во «Дело».
13. Заславская, Т. И. (2000). Поведение массовых общественных групп как фактор трансформационного процесса. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6. Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/povedenie-massovyh-obschestvennyh-grupp-kak-faktor-transformatsionnogo-protssesa>
14. Иода, Ю. В. (2012) Институциональные аспекты модернизации в России. *Социально-экономические явления и процессы*, 12, 100–108.
15. Кагарлицкий, Б. Ю. (2003). *Реставрация в России*. Москва: Едиториал УРСС.
16. Кива, А. В. (2011). Многоликость российской модернизации. *Общественные науки и современность*, 1, 42.
17. Красин, Ю. А. (2003). Полоса бифуркационного застоя. В Т. И. Заславская (ред.) *Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации* (с. 40–41). Москва: МВШСЭН.
18. Кукушкина, М. А. (2010). Функционирование общества как составляющая социетальной системы. *Социально-экономические процессы и явления*, 1, 40–44.
19. Курабцев, В. А. (2012). Модернизационные процессы российского общества. *Вестник МГИМО университета*, 6, 190–193.
20. Ламажаа, Ч. К. (2011). Социальная трансформация. Знание. Понимание. Умение, 1, 262–264.
21. Мун, Д. В. (2010). Современные тенденции развития стратегических социальных рисков России в условиях кризиса. *Научные проблемы гуманитарных исследований*, 1. Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-razvitiya-strategicheskikh-sotsialnyh-riskov-rossii-v-usloviyah-krizisa>
22. Мячин, И. В. (2007). *Развитие местного самоуправления в России (на примере Краснодарского края)*: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Майкоп.
23. Радаев, В. В., Бузгалина, А. В. (ред.). (1995). *Экономика переходного периода*. Москва: Изд-во МГУ.
24. Рущенко, И. П. (2010). «Криминальная революция» как социальный фактор. *Криминология: вчера, сегодня, завтра*, 1, 84–103.
25. Сергеева, Э. А. (2014). Индивид как центральная фигура конструирования социальной реальности. *Теория и практика общественного развития*, 1, 44–46.
26. Силантьева, М. В. (2012) Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ: глобальные следствия модернизационных процессов. *Вестник МГИМО университета*, 6, 206–210.

27. Учитель, Ю. Г. (2010). Системный кризис в России: пути его преодоления. *Вестник Алтайского государственного университета*, 4, 112–118.
28. Федотова, В. Г. (2011). Роль социальной науки и социальной философии в российском обществе. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*, 2 (14), 8–19.
29. Федотова, В. Г. (2013). Кризис модернизации и архиезация общества. *Знание. Понимание. Умение*, 1, 309–313.
30. Федотова, В. Г. (2012). Модернизация и культура. *Знание. Понимание. Умение*, 4, 139–147.
31. Шалимова, Л. А. (2010) О природе современного кризиса в России. *Власть*, 12, 58–59.
32. Шаповалова, В. Ю. (2010). Роль социальной трансформации в процессе развития общества. *Теория и практика общественного развития*, 4, 9–12.
33. Шкаратан, О. И. (2009). Становление постсоветского неозакратизма. *Общественные науки и современность*, 1, 16.
34. Хачецуков, З. М. (2013). Социальный комфорт в контексте трансформационных процессов в структуре современной российской повседневности. *Вестник МГИМО университета*, 2, 214–219.
35. Ядов, В. А. (2002). *Россия как трансформирующееся общество*. Москва: МВШСЭН.
36. Brady, E., Phemister, P. (Eds.). (2012). *Human-Environment relations: transformative values in theory and Practice* springer. Springer Dordrecht Heidelberg London New York.
37. Darity, W. A. (Ed.). (2008). *International encyclopedia of the social sciences*. Vol. 7. 2nd ed. Detroit: Macmillan Reference USA.
38. Granovetter, M. (2003). Economic action and Social Structure: the problem of embeddedness. *American journal of sociology*, 91, 481–510.
39. Kandasamy, W. B. V., Smarandache, F., Llanthenral, K. (2007). *Elementary fuzzy matrix theory and fuzzy models for social scientist*. Los Angeles: Automaton.
40. Polanyi, K. (2001). *The great transformation the political and economic origins of our time*. Boston: Beacon Press.
41. Vaitheeswaran, V. V. (2012) *Need, Speed and Greed: now the new rules of innovation can transform businesses, propel nation to greatness and tame the world's most wished problems*. Harper Business.
42. Varien, M. D., Potter, J. M. (Eds.). (2008) *The Social construction of communities: agency, structure and identity in the prehispanic southwest*. California: AltaMira Press, U.S.
43. Wagner, P. A (2003). *Sociology of modernity: liberty and discipline*. London, New York: Taylor & Francis e-Library.
44. Wiener, J. M. (2003). Social Origins of Dictatorship and democracy. Lord and Peasant in the making of the modern world. *History and theory*, 15 (2), 146–175.
45. Zinn, J. O. (2008) (edited). *Social theories of risk and uncertainty: An introduction* Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishing.

Статья поступила в редакцию 26.03.2014.

.....

TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY: RETROSPECTION OF THE PROBLEMS OF POST-SOVIET RUSSIA

Gomcjan O. A.

Gomcjan Ovsep Aramaisovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: ovsep86@mail.ru.

The article dwells on the topic of transformational processes in the society that take place in the territory of the post-Soviet Russia, impact of the transformations on education, different theoretical approaches to this transformation. The author defines two directions of transformation: technological and social, which make the issues of social relations participants' adaptation urgent. Five transformation models are analyzed: model of "market socialism", model of corporate statism, and model of "velvet revolution", model of "shock therapy" and "romantic model". V. A. Jadov's point of view on the transformations in Russian society connected with the notion of the "dynamic chaos" is reviewed.

Insights of M. Deljagin, S. Glaz'ev, A. Buzgalin and other researchers employing the methods of world-system analysis (A. Frank, I. Wallerstein) are highlighted. Here transformation acts as a reflection of the world globalization tendencies, colliding with social and cultural context. The author considers B. Kagarlickij's idea, focused on «bureaucratic capitalism» term. "Bureaucratic capitalism" gives rise to "periphery capitalism" that is essentially characterized by restoration and scene change with the contents remaining invariable; it is connected with a lag that occurred during the transition of a country from the «core» to the periphery.

Main difficulty is that Russia is too developed for a periphery country. Industrially developed Western countries need Russia only as a supplier of natural resources and market outlet.

Russia is in the period of protracted crisis that has systemic character. There are neither modern social institutions, nor civil society established in the state. Human resource potential of the country has significantly decreased in the crisis environment. It is caused by Russia's gaining periphery status in the world after a period of turbulent changes that had the society involved into the processes on the world arena connected with globalization.

Key words: transformation, systemic crisis, reform, social regress, technological degradation.

References

1. Averina, N. V., Lotarenko, M. V., Popov, V.V. & Shheglov, B. S. (2014) Osobennosti al'ternativnosti v social'nyh transformacijah [Peculiarities of variability in social transformations]. *Fundamental'nye issledovanija* [Fundamental Researches], 9, 2115–2119.
2. Anan'ev, E. V. (2013). Kul'turnaja dinamika v massovom obshhestve potreblenija [Cultural dynamics in mass consumption society]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [World of Culture, Science and Education], 1, 234–237.
3. Anahin, T. V. (2013). Institucional'nyj dizajn Rossii: jevoljucija obshhestvennoj sistemy i social'naja transformacija [Institutional design in Russia: evolution of social system and social transformation]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University], 6, 129–133.
4. Atabiev, Z. A. (2010). Parametry social'nyh izmenenij v obshhestve v usloviyah globalizacii [Parameters of social changes in the society in the conditions of globalization]. *Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij* [Scientific issues of humanities researches], 9. Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/parametry-sotsialnyh-izmenenij-v-obshchestve-v-usloviyah-globalizatsii>

5. Glaz'ev, S. O. (2007). Strategii jekonomicheskogo razvitija Rossii [Strategies of Economic Development of Russia]. *Voprosy jekonomiki* [Issues of Economics], (5), 31.
6. Grickevich, T. I. (2014). Upravljaemost' v social'nyh izmenenijah: vozmozhnost' reformirovanija i neopredelennost' [Manageability in social changes: possibility of reforming and ambiguity]. *Vestnik kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 3, 199–202.
7. Gorbunova, M. Ju. (2012). Jemocii aktorov i social'nye transformacii [Emotions of actors and social transformations]. *Vestnik saratovskogo universiteta* [Bulletin of Saratov University], 2, 148–151.
8. Danilov, A. N. (1998). *Perehodnoe obshhestvo: Problemy sistemnoj transformacii* [Transitional Society: problems of system transformation]. Minsk: Harvest.
9. Dronov, V. T. (2014). Kul'turno-civilizacionnyj podhod i ego neobhodimost' v sovremennoj rossijskoj sociologii [Cultural and civilizational approach and its relevance in contemporary Russian sociology]. *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena* [News-bulletin of Herzen University], 166, 102–107.
10. Zhaluev, Z. A. (2012). Social'nyj immunitet rossijskogo obshhestva v uslovijah institucional'noj transformacii: teoreticheskie predposylki konceptualizacii i sociologicheskie ramki issledovanija [Social immunity of Russian society in the institutional transformation environment: theoretical prerequisites of conceptualization and sociological framework of research]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'* [Historical, Social and Educational ideas], 6, 178–182.
11. Zhmajlo, A. I. (2008). Social'nyj risk kak pokazatel' societal'noj transformacii sovremenogo obshhestva [Social risk as an indicator of contemporary society transformation]. *Vestnik JuUrGU* [Bulletin of South Ural State University], 21, 83–87.
12. Zaslavskaja, T. I. (2004). *Sovremennoe rossijskoe obshhestvo: Social'nyj mehanizm transformacii* [Contemporary Russian society: social mechanism of transformation]. Moscow: Izd-vo "Delo".
13. Zaslavskaja, T. I. (2000). Povedenie massovyh obshhestvennyh grupp kak faktor transformacionnogo processa [Behavior of mass social groups as a factor of transformational process]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 6. Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/povedenie-massovyh-obschestvennyh-grupp-kak-faktor-transformatsionnogo-processa>
14. Ioda, Ju. V. (2012) Institucional'nye aspekty modernizacii v Rossii [Institutional Aspects of Modernization in Russia]. *Social'no-jekonomicheskie processy i javlenija* [Social and economic processes and phenomena], 12, 100–108.
15. Kagarlickij, B. Ju. (2003). *Restavracija v Rossii* [Restoration in Russia]. Moscow: Editorial URSS.
16. Kiva, A. V. (2011). Mnogolikost' rossijskoj modernizacii [Diversity of Russian Transformation]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1, 42.
17. Krasin, Ju. A. (2003). Polosa bifurkacionnogo zastoja [Period of bifurcational stagnation]. T. I. Zaslavskaja (Ed.) *Kuda prishla Rossija?.. Itogi societal'noj transformacii* [Where has Russia come?.. Results of social transformation] (pp. 40–41). Moscow: MVSHSEN.

18. Kukushkina, M. L. (2010). Funkcionirovanie obshhestva kak sostavljajushhaja societal'noj sistemy [Functioning of society as a constituent of societal system]. *Social'no-jekonomicheskie processy i javlenija* [Social and economic processes and phenomena], 1, 40–44.
19. Kurabcev, V. L. (2012). Modernizacionnye processy rossijskogo obshhestva [Modernization processes of Russian Society]. *Vestnik MGIMO universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 6, 190–193.
20. Lamazhaa, Ch. K. (2011). Social'naja transformacija [Social transformation]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 1, 262–264.
21. Mun, D. V. (2010). Sovremennye tendencii razvitija strategicheskikh social'nyh riskov Rossii v usloviyah krizisa [Contemporary tendencies of strategic social risks development in the crisis environment]. *Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij* [Scientific Issues of Humanities Researches], 1. Retrieved from <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-razvitiya-strategicheskikh-sotsialnyh-riskov-rossii-v-usloviyah-krizisa>
22. Mjachin, I. V. (2007). *Razvitie mestnogo samoupravlenija v Rossii (na primere Krasnodarskogo kraja)* [Development of local self-government in Russia (on the example of Krasnodar Krai)]: dissertation of a Candidate of Social Sciences. Maikop.
23. Radaev, V. V. & Buzgalina, A. V. (Eds.). (1995). *Jekonomika perehodnogo perioda* [Economics of transitional period]. Moscow: Izd-vo MGU.
24. Rushhenko, I. P. (2010). “Kriminal'naja revoljucija” kak social'nyj faktor [“Criminal revolution” as a social factor]. *Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow], 1, 84–103.
25. Sergeeva, Je. A. (2014). Individ kak central'naja figura konstruirovaniya social'noj real'nosti [An individual as a central figure of social reality design]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development], 1, 44–46.
26. Silant'eva, M. V. (2012) Metamorfozy social'nyh organizmov v svete transformacii kul'turnyh granic: global'nye sledstvija modernizacionnyh processov [Metamorphoses of social organisms from the point of view of cultural boundaries transformation: global consequences of modernization processes]. *Vestnik MGIMO universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 6, 206–210.
27. Uchitel', Ju. G. (2010). Sistemnyj krizis v Rossii: puti ego preodolenija [Systemic crisis in Russia: ways to overcome it]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai State University], 4, 112–118.
28. Fedotova, V. G. (2011). Rol' social'noj nauki i social'noj filosofii v rossijskom obshhestve [Role of social science and social philosophy in Russian society]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 7: Filosofija. Sociologija i social'nye tehnologii* [Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Social sciences and technologies], 2 (14), 8–19.
29. Fedotova, V. G. (2013). Krizis modernizacii i arhiezacija obshhestva [Crisis of modernization and archaization of society]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 1, 309–313.
30. Fedotova, V. G. (2012). Modernizacija i kul'tura [Modernization and culture]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 4, 139–147.

31. Shalimova, L. A. (2010) O prirode sovremennogo krizisa v Rossii [The nature of contemporary crisis in Russia]. *Vlast'* [Power], 12, 58–59.
32. Shapovalova, V. Ju. (2010). Rol» social'noj transformacii v processe razvitija obshhestva [Role of social transformation in the social development process]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development], 4, 9–12.
33. Shkaratan, O. I. (2009). Stanovlenie postsovetskogo neojetokratizma [Establishment of post-Soviet neo-etacratism]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 1, 16.
34. Hachecukov, Z. M. (2013). Social'nyj komfort v kontekste transformacionnyh processov v strukture sovremennoj rossijskoj povsednevnosti [Social comfort in the context of transformational processes in the structure of contemporary Russian routine]. *Vestnik MGIMO universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2, 214–219.
35. Jadov, V. A. (2002). *Rossija kak transformirujushheesja obshhestvo* [Russia as a society in the process of transformation]. Moscow: MVSHSEN.
36. Brady, E., Phemister, P. (Eds.). (2012). *Human-Environment relations: transformative values in theory and Practice* springer. Springer Dordrecht Heidelberg London New York.
37. Darity, W. A. (Ed.). (2008). *International encyclopedia of the social sciences*. Vol. 7. 2nd ed. Detroit: Macmillan Reference USA.
38. Granovetter, M. (2003). Economic action and Social Structure: the problem of embeddedness. *American journal of sociology*, 91, 481–510.
39. Kandasamy, W. B. V., Smarandache, F., Llanthenral, K. (2007). *Elementary fuzzy matrix theory and fuzzy models for social scientist*. Los Angeles: Automaton.
40. Polanyi, K. (2001). *The great transformation the political and economic origins of our time*. Boston: Beacon Press.
41. Vaitheeswaran, V. V. (2012) *Need, Speed and Greed: now the new rules of innovation can transform businesses, propel nation to greatness and tame the world's most wished problems*. Harper Business.
42. Varien, M. D., Potter, J. M. (Eds). (2008) *The Social construction of communities: agency, structure and identity in the prehispanic southwest*. California: AltaMira Press, U.S.
43. Wagner, P. A (2003). *Sociology of modernity: liberty and discipline*. London, New York: Taylor & Francis e-Library.
44. Wiener, J. M. (2003). Social Origins of Dictatorship and democracy. Lord and Peasant in the making of the modern world. *History and theory*, 15 (2), 146–175.
45. Zinn, J. O. (2008) (edited). *Social theories of risk and uncertainty: An introduction*. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishing.